

Иноземцы в русской жизни XV-XVI вв.

Т.В. Черникова

Данная статья посвящена изучению использования различных западных специалистов на русской службе во второй половине XV – XVI вв. Автор выясняет:

- в каких областях и какие иностранные специалисты использовались в России при Василии III и Иване IV;
- почему Москва обращалась за помощью к западноевропейским специалистам;
- какими были масштабы и значение такого рода помощи для России;
- как менялось общественное положение выходцев из Западной Европы в России на протяжении полутора сотни лет с начала процессов европеизации страны.

История Аристотеля Фиораванти, строителя Кремлевского Успенского собора, успешно занимавшегося также артиллерией и, возможно, чеканкой монет в России, показал, что иноземные мастера, приглашенные в Россию во времена Ивана III, были люди весьма разносторонние. Когда московские власти обнаружили это, они стали использовать итальянских мастеров не только в том качестве, в котором они изначально были приглашены на московскую службу. Особенно интересовали российскую власть западноевропейские новшества в области оружейного и пушколитейного дела. Паоло Джовио (Павел Иовий), епископ Комо, со слов русского посла к папе Клименту VII Дмитрия Герасимова, записал, что «в Московской крепости видно много медных пушек, вылитых искусством итальянских мастеров и поставленных на колеса»¹ (сообщение 1525 г.).

Иностранцы на русской службе при Василии III и Иване IV. Правда, вскоре обнаружилось, что «немцы», особенно выходцы из собственно германских земель, соображают в военном деле лучше «фрязей». Неслучайно с именем немецкого монаха Шварца связывается изобретение в Европе в XIV в. первого огнестрельного оружия. Грек из Константинополя Георг Перкамота, московский посол к миланскому герцогу Д. Гале-

аццо, рассказывая в 1486 г. о России, утверждал, что именно немцы «недавно ввезли» в Москву «самострел и мушкет» и теперь московские дворяне «широко их применяют»². Тем не менее «немцы»-артиллеристы не вытеснили, а дополнили команду пушкарей-фрягов.

Это следует из наблюдений 1557–1558 гг. венецианского посла М. Фоскарينو: «Император (Иван IV. – Прим. авт.) обладает теперь многочисленной артиллерией на итальянский образец, которая ежедневно пополняется немецкими служащими, выписанными сюда на жалованье. Она в достаточном количестве снабжена бомбардирами, превосходно устроена, обучена и постоянно упражняется, получая известные награды и отличия... Наконец, она снабжена всевозможными боевыми снарядами, какие имеются в настоящее время и у других государей...»³.

С конца правления Ивана III число «немцев» на русской службе постоянно возрастало. Из сочинения Сигизмунда Герберштейна, побывавшего в Москве в 1517 г. в качестве посла императора Максимилиана и в 1526 г. вместе с Л. Нугаролой во главе посольства австрийского эрцгерцога Фердинанда, мы знаем, что в российской столице находилось множество выходцев из разных западных стран. Так, в момент торжественной встречи австрийских послов в 1526 г. иностран-

ные «всех родов наемники» заняли всю площадь от ворот Кремля до «палат государевых»⁴. При чем к итальянцам прибавились «немцы» в русском толковании этого слова, то есть выходцы из всех западноевропейских земель, кроме Италии. Так же много было литовцев и поляков. Причем практически все упомянутые Герберштейном иноземцы оказались связаны с военным делом. Очевидно, что в ходе военных экспедиций начала XVI столетия было выявлено преимущество иноземцев над отечественными оружейными мастерами и воинами.

Всех военных иноземцев на русской службе в начале XVI в. можно разделить на три категории. Часть «немцев» и «фрязей» являлась оружейниками, которые одновременно играли роль артиллеристов и регулярно вместе со своими орудиями ходили в походы с русским войском. Другая часть «немцев» являлась личными телохранителями Василия III. Очевидно, о них вспоминал Франческо Тьеполо в 1560-х гг., говоря, «что во время отца нынешнего герцога (то есть во время правления Василия III) впервые появились у них (московитов) отряд конных аркебузьеров и некоторое количество пехотинцев»⁵. Телохранители жили в особой слободе. Герберштейн и пересказывавший его, но никогда не бывавший в России Александр Гваньини⁶, называют ее «Nali» или «Наливки» и выводят это слово от питейной привилегии наемников. «...Василий выстроил для своих телохранителей и для разных иностранцев, а именно поляков, германцев, литовцев (которые от природы подвержены Вакху), город Наливки, получивший название от налитых бокалов. И там у всех иностранных солдат и пришельцев имеется полная возможность всячески напиться, что московитам запрещается под страхом тяжкого наказания, за исключением нескольких дней в году...»⁷.

Аналогичное сообщение о городке «Нали» привел во второй половине XVI в. С. Нейбауер (Нейбауер)⁸, купец и сенатор Данцига, составивший «Описание» Московии со слов торговавших в Москве немецких купцов Герберштейна, уроженца Нюрнберга Вилибольда Пиркгаймера⁹, жившего в России во времена великого князя Василия (III)», Матвея Меховского¹⁰ и др. О пьянстве в «городе Налейка» свидетельствует и англичанин Д. Флетчер, посетивший Россию в конце XVI в., однако он утверждает, что в упомянутой слободе начала XVI в. Василий III расселил не только иностранных наемников, а всех своих солдат и позволил им употреблять спиртное («мед и пиво») в постные дни¹¹.

Дело, конечно, заключалось не в разрешении наемникам беспорядочно пьянствовать, а в даровании им привилегии производить и продавать алкогольные напитки. Это давало приличный доход и служило дополнительным стимулом для «немцев» находиться на русской службе. Коренные подданные московского престола таких прав не имели, казне же варка и продажа хмельных напитков давали изрядный доход.

Третью группу иноземцев, упомянутых Герберштейном, составляли рядовые воины-наемники. Герберштейн не стремился к личным контактам с этими людьми, сообщал о них походя. В западноевропейских странах к XVI в. иностранные наемники были привычным явлением, и Русь Василия III с ее иноземцами-наемниками представила Герберштейну привычную картину, на которой он не считал нужным (или интересным) останавливаться подробно. Он лишь сообщает, что в Казанском походе 1524 г. участвовали наемники «из немцев и литовцев». В другом месте, в рассказе о московском войске в 1526 г. (второй приезд Герберштейна в Россию), он описывает полторы тысячи пехотинцев «из литовцев и всякого сброда»¹².

Опираясь на данное сообщение и ряд иных косвенных признаков, историк О.В. Скобелкин, анализирувавший записки иностранцев на предмет изучения службы наемников в России XVI в., предположил, что все иноземные наемники при Василии III являлись пехотинцами¹³. Создание небольшого наемного «пехотного корпуса» было существенным новшеством, которое было «под рукой» московских государей. В начале XVI в., судя по русским летописям и свидетельствам иностранцев, отечественная часть войска была многочисленна, могла достигать 100 тыс. человек¹⁴, но действовала она не всегда эффективно.

Отечественное войско начала XVI в. было типично средневековым, то есть состояло в основе своей из конного ополчения, вооруженного холодным оружием. Армия предпочитала тактику восточного конного боя – наступление «лавой». «Их лошади ниже среднего роста, сильны и быстроходны. На них сражаются копьем, железными палицами, луками и стрелами». Таким увидел русское дворянское ополчение даже в 1557 г. венецианец Марко Фоскарини¹⁵.

Между тем в Европе и на Ближнем Востоке с распространением пушек и ручного огнестрельного оружия ресурс средневековой конницы стал очень ограниченным. На Западе уже с момента разгрома рыцарей бургундского герцога Карла Смелого швейцарской пехотой, вооруженной алебардами и арбалетами, все большую роль играла пехота, особенно имевшая огнестрельное оружие. Создание в России пехотных отрядов из наемников-профессионалов стало очень своевременной мерой. Пехотинцы-пищальщики Василия III стали предтечей стрелецких полков времен реформ Ивана IV и Избранной Рады.

Известная исследовательница А.Л. Хорошкевич считает, что литовцы и «всякий сброд», упомянутый Герберштейном среди пехотинцев, вероятнее всего, были людьми литовского перебежчика князя Михаила Глинского. После неудачной авантюры, целью которой было провозглашение Глинского автономным правителем Великого Киевского княжества под покровительством Москвы, этот Гедиминович со всем своим окружением (около 2 тыс. человек) был вынужден бежать в Россию. Кроме слуг Глинско-

го, в наемной пехоте могли состоять и выходцы из Смоленска, взятого московскими войсками в 1514 г.¹⁶

Герберштейн обнаружил, что, в отличие от рядовых иностранных наемников, гораздо большим уважением со стороны высшей власти в России пользовались западные пушкарки, они же литейные мастера. Со многими из них Герберштейн считал нужным завести личные знакомства. Интерес австрийского посла объяснялся значительным образовательным и интеллектуальным уровнем пушкарей: они были интересными собеседниками для ученого посла-эрудита. Кроме того, занимая высокое положение в московском обществе, они могли оказать послу различные услуги. Герберштейн неоднократно упоминал, что служивших иностранных артиллеристов не раз принимал во дворце государь Василий III. «Записки» австрийского посла содержат рассказ о непосредственной работе оружейных мастеров. «Теперь у государя, – пишет Сигизмунд Герберштейн, – есть пушечные литейщики, немцы и итальянцы, которые, кроме пищалей и пушек, лют также железные ядра»¹⁷.

Герберштейн называет имена нескольких оружейников – своих знакомцев. Это итальянец Варфоломей, немец Иоанн Иордан «из Халы в долине Инна», Николай (Никлас), «родившийся на Рейне недалеко от немецкого имперского города Шпайра». Последний, если верить австрийскому дипломату, весьма отличился в 1521 г., когда на Москву был совершен первый поход крымского хана Мухамеда (Мегмета)–Гирея. Николай (Никлас) сумел установить около проезжих ворот одной из кремлевских башен огромную пушку. (До этого русские воины с этой задачей никак не могли справиться.) Другие немецкие пушкарки действовали так же «весьма достохвально», в итоге, утверждает Герберштейн, «была спасена крепость»¹⁸. Из отечественных источников мы знаем, что крымцы в 1521 г. не стали штурмовать Москву, очевидно, они оценили степень готовности города к обороне и тщетность своих попыток овладеть им.

Иноземцы-пушкарки несли службу не только в Москве. Об Иоанне Иордане Герберштейн сообщает, что он одно время находился в Рязани (Переяславле Рязанском). При этом непонятно, был ли Иордан при московском войске, посланным для отражения набега Мухамеда-Гирея (1521 г.), или служил постоянно в Рязани. Герберштейн рассказывает, что в Рязани немец Иордан на свой страх и риск дал по татарам такой опустошительный залп, что потом на переговорах крымский хан требовал выдачи пушкаря¹⁹. Через некоторое время Иордан уже был обнаружен в Москве.

Еще более интересной персоной среди иностранных оружейников был итальянец Варфоломей. Историки А.Л. Хорошевич и О.В. Скобелкин предполагают, что это был не просто оружейный мастер, а опытный инженер-фортификатор, о котором упоминает и Разрядная книга 1475–1598 гг. Там под 7017 (1509) г. указано, что великий князь

велел строить в городе Дорогобуже новую деревянную крепость и «послал с Москвы мастеров, фряз Вартоломея да Машробона»²⁰.

В Москве достаточно высоко ценили иностранных специалистов. Государь Василий III, известный своей спесью, не гнушался запросто беседовать с ними. Герберштейн свидетельствует, что в 1521 г., как миновала татарская опасность, и Василий III вернулся в Москву, он увидел в приветствующей его толпе пушкаря Николая (Никласа). Великий князь остановился около Николая и сказал ему: «Твоя верность мне и старание, которое ты выказал, охраняя крепость, известны нам, и мы изрядно отблагодарим тебя за услугу»²¹. Вернувшийся из Рязани Иоанн Иордан был принят во дворце, где ему тоже обещали «милость».

Дорожа кадрами иностранных специалистов, высокие московские власти прощали им порой проступки, недопустимые для русских. В 1505 г., во время военного столкновения с казанскими татарами, чуть в плен не попали три пушкаря-литейщика. Двое (один из них «фрязин» Варфоломей, собеседник Герберштейна) бежали с поля боя, бросив орудия, а третий сумел увезти свою пушку. В Москве Василий III не выказал никакого неудовольствия по поводу поведения первых двух иностранцев, а третьего пожурил за излишнее геройство: «Не орудия важны для меня, а люди, которые умеют лить их и обращаться с ними»²². В походе на Казань в 1524 г. один пушкарь, уроженец Савойи, был пойман при попытке перейти на сторону врага и сдать свое орудие. На допросе он винился, «во всем признался и был прощен»²³. Русского воина за подобный проступок непременно бы казнили.

Во второй половине XVI в., судя по «Запискам» другого иностранного автора – Генриха Штадена, судебные льготы иностранцев еще более расширились: «...специальные грамоты давали иноземцу право являться в суд по искам русских только дважды в году – на Рождество и на Петров день. При этом доставить его в суд мог только тот пристав, чье имя было написано в грамоте; со всеми другими приставами, если они являлись, владелец такой грамоты мог обойтись «по своему желанию», и жаловаться приставам было нельзя. Иноземцы же имели право «хоть каждый день жаловаться на русских»»²⁴.

Имели иностранцы и иные преимущества перед русскими. Во второй половине XVI в. иноземцы по-прежнему могли заниматься у себя на дворе кормчеством, что было запрещено коренным жителям Москвы. Служилые немцы были освобождены на всей территории России от всех таможенных сборов. Льготы и привилегии, данные служилым иностранцам московскими властями, были вполне оправданными, ибо компенсировали скудность жалованья. Англичанин Ричард Ченслор в середине XVI в., сравнивая жалованье московских служилых «немцев» с привычным «заработком» наемника на Западе, констатировал, что ежегодное жалованье иностранного наемника в Москве «небольшое»²⁵.

В отличие от высокого начальства, воеводы средней руки и русские люди в массе своей не склонны были особо ценить иноземцев. Примечателен в этом плане уже упомянутый нами случай 1521 г. с немцем Иорданом в Рязани. Московские и рязанские воеводы по требованию крымского хана с легкостью согласились выдать героя-пушкаря на расправу врагу. Немца спасло лишь заступничество Ивана Хабарова, наместника Василия III в Рязани. Из документов XVII в. хорошо известно, что российские власти регулярно задерживали иностранцам (как, впрочем, и русским служилым людям) положенное жалованье. Для конца XV – начала XVI столетий нет прямых указаний на данный счет, хотя можно предположить, что традиция задерживать оклад или платить его не полностью родилась не в XVII в. По крайней мере, щедрый на посулы Василий III не спешил выплачивать обещанные им награды. Ни Никлас, ни Иоанн Иордан, по сведениям Герберштейна, не получили их, хотя часто напоминали о том государю. Только угроза потребовать «отпуск» на родину заставила Василия III поднять им годовое жалованье на 10 флоринов²⁶.

О «плутовстве» русских при выдаче содержания немцам сообщают источники середины XVI в. Так, служивший опричником Ивана Грозного Генрих Штаден рассказывал, что тем наемникам, которые получали жалованье за определенный срок, постоянно не доплачивали 1/10 часть. Но и ежедневное получение довольствия не спасало от плутовства, причем «плутовали» не столько центральные власти, сколько конкретные приказные. Жалует царь, да не жалует псарь! Эта народная поговорка как нельзя лучше подходит к рассказу Штадена о практике ежедневной раздачи «питья» («меда») иностранцам на особом дворе («Jamme»²⁷). Там русские сытники, помимо качественного медового напитка, варили «плохой мед», что позволяло им сохранить для себя треть сырого меда. Сытники наливали в бочки иностранцев «по своему желанию» плохой мед. «Соглашался тот его принять – хорошо, а коли нет, не получал ничего... А если иноземец одаривал этих ребят, то сам мог идти в погреб и сам цедить мед /на пробу/ изо всех бочек. Какой мед более других приходился ему по вкусу, того он и приказывал тогда нацедить и получал /конечно/ свою полную меру»²⁸.

Помимо «забывчивости царей» и «плутовства псарей» большой проблемой для иноземца был отъезд домой. Как мы видели в случае с Аристотелем Фиораванти, возвращение было малореальным. Герберштейн подтверждал, что вернуться домой «позволяется немногим»²⁹. Это было известно на Западе и затрудняло вербовку на службу в Московию, а это вело, в свою очередь, к желанию удержать в России любой ценой уже приехавших сюда специалистов. Получался замкнутый круг. К тому же власти даже вполне лояльных к России стран, например Австрии, не говоря о враждебных – Ливонском ордене, Литве или Польше, – часто чинили препятствия отъезду своих людей в Московию. И русским послам, и

иностранцам, решившимся поступить на московскую службу, приходилось быть находчивыми и изобретательными.

Если опять обратиться к Герберштейну, то можно узнать подробности одной вербовки. В 1517 г. в австрийском Инсбруке русский посол дьяк В.С. Племянников должен был нанять специалистов, но, подчеркнул Герберштейн, не мог делать это открыто: «Посол давал деньги «своим слугам», чтобы они ходили к публичным женщинам и через них наводили справки об оружейниках... Нашлись пятеро желающих поехать в Россию, в том числе уже упоминавшиеся Николай и Иоанн Иордан... причем одного из них уговорил его собственный брат, до этого уже побывавший в Москве в качестве оружейника «и очень хорошо там содержавшийся». Все они получили деньги для покупки лошадей и на дорожные расходы. Дорога же им предстояла неблизкая: сухим путем до Любека, оттуда морем – до Ревеля, и уже из Лифляндии вновь – сухим путем в Россию»³⁰. Кроме денег, посол вручил каждому из завербованных охранные грамоты, где именем государя гарантировалось отпустить на родину всех, кто не захочет более служить в Москве.

Однако в 1526 г. Герберштейн констатировал, что 9 лет спустя его знакомые иноземцы, имевшие на руках охранные грамоты, не могли добиться отпуска. На просьбы о возвращении домой государь отвечал, что помнит об их грамотах, но отпустит их позже, а сейчас «они ему нужны». Зная о подобных случаях, люди осмотрительные ехать в Россию опасались. В Москве оказывались те, кто, по словам Герберштейна, ничего не зная о русских обычаях, «поверит их посулам и подаркам» и «те, кто не может жить в безопасности в другом месте»³¹. Правда, Герберштейн подчеркивал, что бегут в Московию западные европейцы редко. Он приводит имена двух беглецов – датского адмирала Северина Нордведа (неизвестно, находился ли он на русской службе) и ливонского офицера Лукаса Хаммерштеттера. Последний представлял собой довольно распространенный на Западе в начале Нового времени тип наемника прагматика-авантюриста. В 1502 г., в ходе Московско-Ливонской войны, Лукас Хаммерштеттер перешел к русским, потом убежал из России в Данию, но, будучи там обвинен в совершении преступления, опять явился в Россию, где нашел приветливый прием и был вновь принят на службу.

Пример Лукаса Хаммерштеттера, как и брата завербованного в Инсбруке оружейника, свидетельствуют, что выбраться из России все же было возможно, но эти случаи скорее относились к категории исключений. Если вернуться к судьбе пятерых оружейников, завербованных в Инсбруке, то Герберштейн рассказывал, что он и Нугарола стали просить Василия III за этих иностранцев. В результате великий князь отпустил одного итальянца, ослепшего в России. Николаю (Никласу) и Иоанну вместо отпуска подняли жалованье, а еще двое иностранцев, желавших уехать, не получили ничего и вскоре умерли в России³².

■ История

Немалую роль в привычке московских властей задерживать служилых иноземцев играла позиция ближайших к России западных соседей. Они сразу почувствовали для себя опасность европеизации Московии и всеми силами пытались не пустить за русский рубеж новых западных волонтеров. В 1530-х гг. некий немец Александр, видимо литейный мастер, служивший в Москве, вызвался привезти из Дрпта своего друга («лить пушки и стрелять из них»). Возможно, он собирался нанять на русскую службу не одного специалиста, но дерптский епископ быстро прервал деятельность московского эмиссара. Александра схватили и сослали неведомо куда. Был допрошен по этому делу в 1539 г. и сбежавший из Москвы Петр Фрязин³³.

Провалом закончилась миссия и другого московского вербовщика, саксонца Шлитте. В 1547–1550 гг. он находился в Германии с поручением Ивана IV набрать как можно больше западных ученых, художников и ремесленников на русскую службу. Шлитте сумел получить у императора Карла V дозволение на данный счет. Правда, для этого Шлитте, истинный сын своего времени, пустился во все тяжкие. На свой страх и риск он возбудил в папе Римском Юлии III и императоре Карле V надежды на присоединение России к унии, причем папа готов был уже отправить в Москву посольство и признать за русским царем королевский титул. Самоволие Шлитте, рассчитавшего таким образом заработать, вскоре вскрылось, но контакты с папской курией, подкрепленные «миссией» Шлитте, у Москвы сохранились. Позже, в 1561 г., папа Пий IV предложит царю Ивану IV прислать своих представителей на собор католической церкви. В 1582 г. посредником в польско-русских переговорах, венчавших Ливонскую войну, выступит представитель папы Антонио Поссевино.

Но вернемся к Шлитте. Нанятая им группа из 123 человек – ремесленников, воинов, инженеров и даже 4 богословов – благополучно прибыла в Любек. Однако ливонская сторона развила дипломатическую активность, рисуя Карлу V те опасности, которыми грозит овладение Москвией западными «секретами». В итоге император взял назад разрешение своим подданным ехать в Россию, и магистр Ливонского ордена получил право не пускать их за русский рубеж. Шлитте был задержан и брошен в темницу, люди его рассеялись. Один мастер Ганс дважды пытался сам пробраться в Москву. Первый раз его посадили в тюрьму, а второй раз Ганса, захваченного в двух верстах от русской границы, казнили³⁴.

Аналогичная судьба постигла некоего чеха Ладу, жителя Кракова. Михаил Глинский, перебежав в Москву, рассылал в Польшу и Литву гонимых и деньги, зазывая различных специалистов на русскую службу. Одним из откликнувшихся и был Лада. Его поймали на русской границе, отослали обратно в Краков и там казнили³⁵. Правда, эмиссару Глинского немцу Шлейницу повезло больше. Он, видимо, с подачи Глинского получил

поручение ехать в Силезию, Богемию, Германию для вербовки специалистов. Шлейницу удалось нанять многих ратных людей и привезти их в Россию через Ливонию³⁶.

При Иване IV количество западных специалистов на русской службе заметно выросло, а отношение властей к попыткам служилых иноземцев вернуться домой еще более ужесточилось. По сути, стал возможен только побег, но он расценивался как государственная измена. Современник грозного царя, его опричник Генрих Штаден, констатировал: «Чтобы дойти до смертной казни, иноземцу не так-то легко провиниться. Только когда уличат его, будто он хотел бежать за рубеж, – тогда – да поможет ему бог! ... И редко бывает, чтобы иноземец дерзнул бежать из страны, ибо дорога в страну широка и просторна, а из страны – узкая-преузкая»³⁷.

Итальянец Джиованни Тедалди в 50–60-х гг. XVI в. бывал в России более десяти раз. Его «Записки» позже попали в сочинение Антонио Поссевино. Тедалди, как и все иностранные авторы, сообщил о желании русского царя удерживать иностранных наемников на службе. «... Однажды Тедалди спрашивал великого князя, почему он не позволяет выезжать из Москвы иностранцам (всего больше у него итальянцев, которых он зовет фрягами и держит их за искусство; за это, по его словам, он их любит). Он ответил, что поступает так, ибо иначе они больше не возвратились и король Сигизмунд помешал бы их возврату...»³⁸.

Как мы видим, в вопросе продолжительности службы российские власти явно желали обращаться с иностранными наемниками так же, как с собственными служилыми подданными, чья служба была бессрочной и наследственной. Трудности в вербовке иноземцев только усугубляли эту привычку. В итоге уже в конце XV – первой четверти XVI в. Московия «отовсюду охраняется стражей, чтобы не только рабы и пленные, но и свободные туземцы и пришлые не могли без княжеской грамоты выйти оттуда...»³⁹.

Кроме вербовки за рубежом и приема редких беглецов существовал еще один эффективный способ найма иностранцев. Это была работа с пленными. По мере активизации войн России на Западе изрядное число наемников стали составлять бывшие пленники, для которых служба Москве оказалась предпочтительней страданий узника. На Западе в XV–XVI вв. перевербовка пленных практиковалась очень широко. Большинство наемников в европейских армиях являлись выходцами из разных стран, и переход их из одной западноевропейской армии в другую не воспринимался как предательство. Особенно много бывших пленных появилось в русском войске, когда Россия завязала в Ливонской войне (1558–1583).

Однако этот длительный и многосторонний конфликт, как всякая большая война в Европе, притянул к себе много профессиональных «рубак», рассчитывающих на жалованье и военную добычу. Значительная их часть постепенно свы-

клась с мыслью, что можно служить и в России. Одним из таких циничных искателей наживы был упомянутый выше вестфалец Генрих Штаден. Он прибыл в Московию в 1564 г. по собственному почину и, судя по его «Запискам», не был одинок. Штаден утверждал, что любой иностранец, «несмотря ни на лицо, ни на одежду, ни на знатность»⁴⁰, желающий поступить на русскую службу, если он только не еврей, может прибыть на русскую границу и встретить там добрый прием.

На границе, а потом уже в Москве кандидата в наемники расспрашивали о намерениях (при этом «речи» записывались и сравнивались), у границы он получал средства «на корм» до Москвы, а в Москве его ставили на довольствие, выписывая на год особую бумагу – «кормовую память» («*kormava pammet*»). По ней наемник получал деньги и мед либо ежедневно, либо на срок от 10 до 30 дней.

1 сентября, с наступлением Нового года в России XV–XVII вв., «кормовую память» обновляли⁴¹. Наем на русскую службу, как тогда говорили – «выход на имя государя», – приносил и «выходное жалованье». Его давали один раз в начале службы, и состояло оно из «некой суммы денег», а также «платья, сукна, шелковой одежды, нескольких золотых кафтанов, подбитых белечим мехом или соболями»⁴².

Итак, подводя некоторые промежуточные итоги анализа московской службы западноевропейцев, можно констатировать:

- найм западных специалистов начался сразу же с момента становления единого Московского государства;

- далее и в правление первого Московского государя всея Руси Ивана III, и при его сыне Василии III, и внуке Иване IV процесс приглашения западных специалистов, как и процесс заимствования Москвой западноевропейского опыта постоянно расширялся;

- при огромном участии иностранных архитекторов и инженеров был создан новый столичный Кремль и дворцово-храмовый комплекс; организована мощная артиллерия, вводились изобретенные на Западе новые военные приемы (особенно использование огнестрельного оружия пехотой);

- придворное лекарское дело и чеканка монет были исключительно сферой работы иностранных профессионалов;

- для размещения всевозрастающего корпуса разнообразных западных наемников в Москве было создано особое поселение – Немецкая слобода;

- учитывая трудности вербовки западных наемников, московские власти стремились не отпускать их на родину даже после завершения ими исполнения означенных в первоначальном контракте обязанностей;

- это вызывало ропот «немцев» и «фрязей», который правительство пыталось затушить относительно высоким по сравнению с коренными служилыми людьми жалованьем и разными привилегиями, самая существенная из которых заключалась в разрешении производства и продажи спиртных напитков;

- в деле вербовки наемников на русскую службу дальние западные государства – Англия, Франция, отчасти Австрия – выражали больше лояльности, чем приграничные соседи – Польша, Литва, Швеция, орден. Они констатировали постепенный рост военно-политических возможностей России в связи с растущим заимствованием ею западного опыта в различных областях, опасались этого и чинили постоянные препятствия в деле найма «немцев» на русскую службу;

- московская же сторона находила все новые способы привлечения западных людей и привода их в Россию;

- приоритетной сферой использования западных специалистов в России с началом XVI столетия все более становится военная, что приводит к постепенному вытеснению итальянцев («фрязей» – архитекторов, литейщиков, инженеров, дипломатов) и замене их разнообразными солдатами и офицерами-«немцами» (выходцами из Германии, Голландии, Австрии, Шотландии, Англии, Испании и других западноевропейских стран).

Tchernikova T.V. Foreigners on the Russian Service in XV–XVI Centuries.

Summary: The article is devoted to an examination of a question of the use of different western experts on the Russian service in the second half of XV century – XVI century. The author tries to find out in what areas and what kind of foreign experts were used in Russia at the times of Ivan III, Vassily III and Ivan IV; what were the reasons for the use of the Western European experts as well as results and significance of this phenomenon. Changes in the position of immigrants from the Western Europe during one and a half centuries are also examined.

Ключевые слова

Единое Московское государство XV–XVI вв., иностранцы на русской службе, заимствование Россией военно-технического и культурного опыта Запада, европеизация России, «Записки» иностранцев о России.

Keywords

Uniform Moscow state of XV–XVI centuries, foreigners on the Russian service, borrowing by Russia of military and technical as well as cultural experience of the West, Europeanization of Russia, "Notes" of foreigners about Russia.

Примечания

1. Джовио П. Книга о московском посольстве // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 19.
2. Георг Перкамота. Сообщение о России, продиктованное в 1486 году в канцелярии Сфорца московским послом Георгом Перкамотой. Заметка, содержащая сведения о делах и властителе России // Иностранцы о древней Москве., М., 1991. С. 9.
3. Фоскарино М., «Рассуждение о Московии» из книги «Историческое сказание о Московском государстве, сочиненное венецианским послом Фоскарино» // Иностранцы о древней Москве. М., 1997. С. 57.
4. Герберштейн С. Записки о московских делах // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С.212.
5. Тьеполо Ф. Рассуждение о делах Московии Франческо // Иностранцы о древней Москве. М., 1997. С. 63.
6. А. Гваньини (1538–1614), итальянец из Вероны, военный инженер на польской службе. Был комендантом западнорусского города Витебска в ходе Ливонской войны в 1569–1587 гг. Сведения о России собирал из рассказов польских и литовских купцов, записок современников, материалов хроник.
7. Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С. 13.
8. Нейгебауер С. Московия. Описание природы, расстояния, местоположение, религия и государственное устройство // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 26.
9. В. Пиргаймер составил описание Германии, однако, уделил в нем место и для рассказа о Московии.
10. Нейгебауер С. Указ. соч. С. 25.
11. Флетчер Д. О государстве Русском., СПб., 1906. С. 17.
12. Там же. С. 178, 114.
13. Скобелкин О.В. Иностранцы о Московии // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время: Сборник научных трудов. Вып. 1. Издательство Воронежского государственного университета, 2002. С. 13.
14. Фоскарино М., Указ. соч. С. 56. Тьеполо Ф. Указ. соч. С. 62.
15. Фоскарино М., Указ. соч. С. 55.
16. Хорошкевич А.Л. Русское войско первой четверти XVI в. по сообщению С. Герберштейна // Феодализм в России: Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения акад. Л.В. Черепнина: Тезисы докладов и сообщений. М., 1985. С. 94.
17. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 116.
18. Информация о Никласе: Герберштейн. Указ. соч. С. 116, 172–173, 319.
19. Там же. С. 175.
20. Скобелкин О.В. Указ. соч. С. 29. Герберштейн С. Указ соч. Комментарии А.Л. Хорошкевича. С. 340. Комент. 620.
21. Герберштейн С. Указ соч. С. 173.
22. Там же. С. 172.
23. Там же. С. 179.
24. Скобелкин О.В. Указ. соч. С. 19–20.
25. Ченслор Р. Указ. соч. С. 33.
26. Флорин – золотая флорентийская монета весом в 3,537 г., чеканилась с XIII в.
27. Приводимое Штаденом название пока не имеет объяснения или русского аналога.
28. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. М., 1925. С. 82.
29. Там же. С. 245.
30. Скобелкин О.В. Указ. соч. С. 14.
31. Там же. С. 108.
32. Герберштейн С. Указ. соч. С. 255.
33. Соловьев С.М., Сочинения. История России с древнейших времен. – М., 1989. Кн. 3. Т. 6. С. 484.
34. Там же. С. 643.
35. Там же. С. 235.
36. Там же. С. 235.
37. Штаден Г. Указ. соч. С. 123.
38. Тьеполо Ф. Указ. соч. С. 65–66.
39. Меховский М., Трактат о двух Сарматиях // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 18.
40. Штаден Г. Указ. Соч. С. 120.
41. Там же. С. 104.
42. Там же. С. 121.